

Цяо Юаньлинь поспешно сжал ладонь в кулак и сказал:

— Откуда мне было знать, что ты ранен? Мне просто стало любопытно.

На бледном лице Лян Чэна не отразилось ни единой эмоции. Он выпрямился, собираясь идти дальше, и бросил:

— Не будь тебе любопытно, тебя бы не было на этом острове.

Цяо Юаньлинь спросил:

— И как ты собираешься возвращаться? Дойдешь?

— Не умру, — ответил Лян Чэн. — Будем считать, что мы квиты.

Цяо Юаньлинь считал, что одно дело никак не связано с другим. Если бы ранениями можно было искупить преступления, зачем тогда вообще закон? Он холодно произнес:

— Так дела не делаются. Как это — квиты? Что именно ты списал со счетов: групповую драку или похищение с угрозами?

— Много на себя берешь, — сказал Лян Чэн. — Я вообще-то про поцелуй.

Цяо Юаньлинь мгновенно вспыхнул. У этого парня еще наглости хватает самому об этом напоминать! Он с силой натянул бейсболку ниже и гневно предупредил Лян Чэна:

— Не мели чушь.

— Ты первый спросил.

Цяо Юаньлинь предпочел бы проглотить эту обиду, но все же процедил:

— Право тратовки остается за мной. Это вообще не считалось за поцелуй, понял? Считаю, ты просто поставил мне банку. Ртом.

Лян Чэн разжал зубы и усмехнулся. Мышцы пресса сократились, потревожив рану, и от резкой боли он покачулся. Цяо Юаньлинь инстинктивно шагнул вперед и придержал его.

Перенеся на него часть веса, Лян Чэн спросил:

— Это твоя первая «банка»?

— А тебе-то что за дело? — недовольно буркнул Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн снова спросил:

— А как быть со всеми теми свидетелями?

— Все равно они уже в участке, — ответил Цяо Юаньлинь. — Интересно, чьим протеже надо быть, чтобы стать такой вот ускользнувшей рыбешкой? По-моему, тебя-то как раз и следовало запереть в первую очередь.

Ему все еще не давала покоя обида. Проявлять милосердие к злу — значит быть жестоким к добру и справедливости. Он разжал руки, бросив Лян Чэна на произвол судьбы.

Цяо Юаньлинь зашагал вперед широкими шагами, постепенно увеличивая дистанцию между ними.

Он шел и думал: ранить себя собственным же оружием — это, пожалуй, и называется пожать то, что посеял. Но кровь шла до сих пор. Видимо, у него либо плохая свертываемость, либо рана очень глубокая.

Он поднял руку, чтобы вытереть пот, и почувствовал на кончиках пальцев слабый запах крови. Неужели он нажал так сильно? Если состояние Лян Чэна ухудшится, придется ли ему отвечать?

Почему сзади совсем не слышно шагов? Неужели ему так больно, что он не может идти?

Потерявшись в тревожных мыслях, Цяо Юаньлинь остановился и оглянулся.

Лян Чэн стоял метрах в семи-восьми. Его бледное лицо покрылось крупными каплями холодного пота, скатывавшимися по вискам.

У обочины на серой стене буйно разрослась глициния. Прекратив внутреннюю борьбу, Цяо Юаньлинь подошел к углу стены, где свисающие ветви образовали над головой полукруглый фиолетовый зонт из цветов.

Он позвал:

— Эй.

— Меня зовут не «эй», — отозвался Лян Чэн.

— И как тебя звать? — высокомерно спросил Цяо Юаньлинь. — Ладно, буду уважительно величать тебя «первоклассным громилой».

Лян Чэн понимал, что если продолжит усмехаться, то точно истечет кровью.

— Чего тебе? — спросил он.

— Иди сюда, загороди меня, — потребовал Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн мысленно вздохнул: ну и заноза. Разбрасывает сладости, полотенца складывать не умеет, кроссовки вечно валяются как попало... Мало ему было устраивать беспорядок дома, теперь еще и на улице приспичило справить нужду.

Войдя в положение — все-таки дело житейское, — Лян Чэн подошел и заслонил Цяо Юаньлиня. Он был таким высоким, что соцветие глицинии легло ему на плечо.

Цяо Юаньлинь боялся морского ветра, поэтому перед выходом накинул джинсовую куртку. Расстегнув пуговицы, он снял ее, а затем потянул вверх край футболки.

Обнажившийся живот казался ослепительно белым, сквозь тонкую кожу просвечивали тонкие ниточки вен. Он снял и футболку, оставшись с полностью обнаженным торсом.

Не успев толком ничего сообразить, Лян Чэн шагнул ближе, плотно закрывая Цяо Юаньлиня собой, и отвернулся в сторону дороги.

Но боковым зрением он все равно все видел.

— Мог бы хоть предупредить, прежде чем раздеваться? — спросил он.

— Я поэтому и просил тебя загородить, — ответил Цяо Юаньлинь.

— Так это выглядит еще более странно, — заметил Лян Чэн. — Прохожие подумают, что я над тобой измываюсь.

— А ты и так не ангел, — Цяо Юаньлинь всучил ему еще теплую футболку. — Перевяжи рану и проваливай на все четыре стороны.

Подцепив край ткани, Лян Чэн повернул голову.

Светло-фиолетовый лепесток упал на впадинку ключицы Цяо Юаньлиня. Тот смахнул его рукой, набросил куртку прямо на голое тело и, опустив взгляд, внезапно о чем-то глубоко задумался.

Сжимая футболку в руках, Лян Чэн спросил:

— Если я плохой человек, зачем тогда отдаешь мне свою вещь?

— Потому что... — Цяо Юаньлинь пробормотал половину фразы, а затем опомнился: — Не твое дело.

Лян Чэн приподнял куртку. Рана под ребрами была длиной больше половины ладони. Прижав к ней футболку Цяо Юаньлиня, он туго обвязал ее вокруг талии. Белая ткань быстро пропиталась багровым.

У него дома хранились всевозможные видеозаписи операций, так что с детства Цяо Юаньлинь привык к виду крови, но вживую наблюдал такое впервые.

Ему было любопытно, что сейчас чувствует Лян Чэн. Подняв глаза, он столкнулся с его пристальным взглядом. Лян Чэн смотрел на него сверху вниз как-то странно и не отводил глаз, пока не завязал узел на поясе.

Цяо Юаньлинь откинулся назад, прижавшись спиной к стене, и немного нервно спросил:

— Чего вылупился?

Эта реакция была слишком очевидной. Лян Чэн спросил:

— Боишься меня?

— Прямо за углом полицейский участок, с чего бы мне тебя бояться? — ответил Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн ничего не ответил. Он отошел к краю дороги. Наконец на улице показалось такси. Он взмахнул рукой и сел на переднее пассажирское сиденье.

Цяо Юаньлинь вздохнул с облегчением и больше за всю дорогу не произнес ни слова.

Они доехали до паромного центра и вошли на пристань. Местные жители проходили через турникеты по единой карте горожанина, а приезжим приходилось покупать билеты в кассах или автоматах самообслуживания.

Цяо Юаньлинь по умолчанию считал, что жилье снимают только приезжие, но, к его удивлению, Лян Чэн достал проездной жителя города и, приложив его, прошел через турникет.

На обратном пути пассажиров тоже было немного, в салоне пустовали целые ряды. Цяо Юаньлинь и Лян Чэн сели у самого поручня друг за другом. Протяни руку — и почувствуешь прохладный морской ветер.

Море слегка волновалось, кружили стаи белых чаек. Цяо Юаньлинь лежал грудью на поручне, погрузившись в свои мысли.

Лян Чэн достал телефон и включил его. В WeChat висело одно непрочитанное сообщение — голосовое от Ван Жуйчжи, отправленное час назад.

Он нажал на воспроизведение:

— Сяо Лян, я сегодня ушла на репетицию показа мод. Сварила суп из ребрышек с люфой и оставила томиться в пароварке. Как вернешься, разогрей и поешьте вместе с Юаньлинем. Он ведь, кроме как доставку заказывать, ничего не умеет, помоги ему. А ребрышек сам съешь побольше, ему и двух штук хватит, чтобы до полуночи грызть.

Цяо Юаньлинь тоже это услышал. В груди у него поднялась какая-то необъяснимая смесь чувств, будто он проглотил волокнистую мякоть люфы.

Он впервые назвал его по имени — тихо и спокойно:

— Лян Чэн.

— М?

— Кто ты вообще такой?

— А ты как думаешь?

Цяо Юаньлинь говорил тихо, его слова тут же уносил ветер:

— Не знаю. Да и не мое это дело.

Лян Чэн опустил голову и напечатал Ван Жуйчжи в ответ «Хорошо», параллельно заметив:

— Тогда зачем следил за мной?

— Мне плевать, бросил ты учебу или тебя отчислили, и любые последствия твоих разборок меня не касаются, — ответил Цяо Юаньлинь. — Но такому человеку, как ты, не стоит снимать комнату у моей бабушки.

Отправив ответ, Лян Чэн закрыл чат.

— Если бы твоей бабушке было за шестьдесят и она жила под одной крышей с опасным человеком, ты бы не беспокоился? — спросил Цяо Юаньлинь.

— У меня нет бабушки, — ответил Лян Чэн.

— А родители? — поинтересовался Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн промолчал. Выражение его лица погасло вместе с экраном телефона.

Цяо Юаньлинь вспомнил слова Лян Чэна в ангаре о том, что у него нет матери. Больше спрашивать ни о чем не хотелось. Он отвернулся, сел прямо и оставил эту тему в покое.

Разговор зашел в тупик.

Какое-то время они плыли в молчании. Вскоре по палубе прошел матрос с коробкой еды, предлагая деликатесы из Линхая: аппетитную сушеную рыбу — вкусную, полностью натуральную, без добавок, которая отлично подойдет и как закуска, и к основному блюду.

Это привлекло внимание Цяо Юаньлиня. Он почувствовал, что проголодался.

Заметив его интерес, матрос тут же подсуетился:

— Раз уж приехали в Линхай, как уехать без местных вкусностей?

Цяо Юаньлинь подумал, что в этом есть смысл. Нельзя же было пережить столько злоключений за один день и никак себя не утешить? После всех сегодняшних неудач ему просто необходимо было себя порадовать, иначе хоть ложись и помирай.

Он сказал:

— Давайте одну пачку на пробу.

— Какой вкус желаете? — спросил матрос.

— Морепродукты должны быть свежими, так что, конечно, классический, — ответил Цяо Юаньлинь.

Взяв пачку и разорвав упаковку, он достал сушеную рыбешку, отправил в рот и вынес вердикт:

— Пахнет отлично, но косточки жестковаты.

Сидящий позади Лян Чэн пристально смотрел на затылок Цяо Юаньлиня. Он искренне недоумевал: этот парень готов бороться со злом во всем мире, но при этом никогда не забывает перекусить. Поистине, прожорливый кот в человеческом обличье.

Паром вернулся в Пинхай. К тому времени как они добрались на такси до переулка Ваньпин, уже наступили сумерки.

Цяо Юаньлинь смертельно устал. Едва переступив порог дома, он рухнул в кровать и мгновенно уснул.

Лян Чэн кое-как обработал рану, замочил испачканную одежду и тоже завалился спать. Он проспал до полной темноты и проснулся от резкой боли, когда попытался перевернуться на другой бок.

Зазвонил телефон. Пришло голосовое от Ван Жуйчжи:

— Сяо Лян, ты уже дома?

Лян Чэн ответил: «Дома».

— А Юаньлинь вернулся? Звоню ему, он трубку не берет, — спросила Ван Жуйчжи.

Лян Чэн не слышал, чтобы кто-то выходил. Засунув телефон в карман, он вышел в коридор и постучал в дверь Цяо Юаньлиня.

Никто не ответил. Он постучал еще пару раз, но в комнате по-прежнему царила полная тишина.

Лян Чэн нажал на ручку двери и включил свет. На первый взгляд в комнате никого не было, но, присмотревшись к кровати, он увидел распластавшегося на ней Цяо Юаньлиня, который спал пластом, в своей излюбленной манере.

Лян Чэн написал Ван Жуйчжи: «Он спит».

<http://bllate.org/book/18284/1753023>